

IV. Страницы новейшей истории

Игорь Баринов

Украинцы между Романовыми и Габсбургами: генезис политической нации

Вторая половина XIX века в Европе стала по сути решающим временем для всей последующей европейской истории. Именно в эту эпоху сильно проявились те сюжеты, которые известный британский историк Эрик Хобсбаум называл «политическими последствиями индустриального развития»¹. Революция 1848 г., всколыхнувшая до этого достаточно вялые национальные требования некоторых народов, передала эстафету ряду локальных европейских военных конфликтов, обусловивших формирование блока противоречий и будущих политических и стратегических союзов европейских держав. Все это, вместе с вышеупомянутым индустриальным развитием, выдвинуло на первый план главных действующих лиц новой эпохи – политические нации.

Национальное строительство в России и Австрии

Революция 1789 г. во Франции и последовавший революционный террор вызвали в Австрии и России антипатию ко всему революционному. Последовавшие за революцией наполеоновские войны обусловили возникновение либерального национализма Фихте и Гумбольдта в германских землях, вопреки стереотипам наиболее подверженных французскому влиянию, и стали причиной реакции в России.

Несмотря на в целом общности оценки событий двумя этими странами, каждая из них имела собственные особенности оценки и восприятия произошедших событий. Германские земли, начиная со времен средневекового партикуляризма, мечтали о государственности, иллюзию которой для них представляла Священная Римская империя. Для них революционные события во Франции стали по сути толчком к образованию национального государства. Россия, воспринявшая культурный дискурс французского Просвещения, однако, впитала его принципы

---

¹ Хобсбаум Э. Век капитала 1848-1875. Ростов-на-Дону, 1999. С. 60.

не в аутентичном виде, а подменив собственными, более близкими русскому человеку, понятиями. Так, к примеру, демократическая Декларация прав человека и гражданина выразилась в эгалитарной роли православия как конституирующей основы нации.

К середине XIX века в Европе утвердились два тренда национализма, ориентация на которые будет оказывать значительное, если не решающее, влияние на политическое развитие той или иной нации. Эти тренды, отталкиваясь от многовековых, обусловленных историческими, психологическими и правовыми факторами традиций разных народов, в итоге стали выразителями двух противоположных путей, как выразился бы американский политолог Габриэль Алмонд, «субъективной ориентации в политике внутри нации»², – общности по культурному и общности по этническому признаку. Именно эта «субъективная ориентация», вкупе с политической традицией, дала жизнь русской имперской формуле «православие-самодержавие-народность» и открыла второе дыхание у германского либерального национализма. Институциональное отличие здесь, при этом, крылось в том, что русский народ к тому времени обладал (по крайней мере, внешне) централизованным государством уже три столетия, тогда как германские земли оставались раздробленными.

Сами австрийцы, к которым немцы относились и до сих пор относятся в значительной мере презрительно, следовали, тем не менее, тому же метанарративу об этнической сущности нации, что и немцы. Национализм австрийцев, правда, носил меньшие масштабы: как писал австрийский политик Виктор фон Андриан-Вербург, такой национальности как «австриец» не существовало, национально-историческое развитие Австрии должно было рассматриваться скорее с точки зрения развития отдельных регионов, а не единого государства, а «мелочный патриотизм австрийца охватывал не больше чем его деревню, максимум провинцию»³. В этом отношении выдвижение на авансцену европейской политики Бисмарк стало выигрышной картой немцев. Бисмарк сделал ставку на складывавшиеся в течение веков немецкие добродетели, прибавив к ним идею государства, в котором индивидуум и нация выступали бы как единое целое. В результате немцы, еще в середине XIX в. рассматривавшиеся соседями как непрактичные мечтательные обыватели⁴, живущие в своем микрокосме, совершили стремительный рывок к национальному государству, затем включившемуся в борьбу за свое место под солнцем. Таким образом, национальное государство, долгое время являвшееся целью, стало концепцией правящих элит Германии, в русле которой и следовала дальнейшая ее политика в Европе и мире. Австрия, изначально воспротивившаяся такому повороту событий, быстро сдала свои позиции в результа-

---

² Цит. по: Пленков О. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997. С. 25, 28.

³ von Andrian-Werburg V.F. Oesterreich und dessen Zukunft. Hamburg, 1843. P. 7-8.

⁴ Ibid. P. 112.

те трех неудачных войн и уже с 1870-х гг. покорно следовала в фарватере объединившейся Германии.

Помимо двух государствообразующих народов, свои устремления к национальному самоопределению стали проявлять и народы без государства. Так, в Австрии интересным явлением стало чешское национальное движение. В условиях четкой (в отличие от России) германской привязки к этническому происхождению, чехи, изначально представлявшие, что нация конституируется не только этничностью, но также и языком, культурой и религией, в итоге избрали схожую позицию в отношении всех, кто не являлся чехами по рождению.

В России же в определенном роде феноменом стало украинское национальное движение, изначально возникшее на основе культурно-языковых требований, однако со временем резко политизировавшееся. Связанная с русской интеллигенцией как генетически, так и культурно и религиозно, украинская интеллигенция со временем заняла позиции, опосредованно схожие с немецкими. При этом, по словам известного британского исследователя Бенедикта Андерсона, вторичность национализмов Центральной и Восточной Европы была видна не только по отношению к самому смыслу существования нации (когда акцент сильно смещается к ее оформлению как к конченому результату), но и в неадекватности их социально-экономическим условиям национализмов-прототипов⁵. В этом отношении и чехи, и украинцы явили собой по-своему весьма любопытные примеры.

Историко-политическая индивидуальность чешских земель была во многом обусловлена их непростыми отношениями с центральными австрийскими властями, прежде всего, в национальном плане. Как писал австрийский историк Роберт Канн, в Австрии национальный вопрос был «конфликт между требованиями различных народов и претензиями империи, государства»⁶. К тому же, «для чехов, территория поселения которых полностью принадлежала ядру австрийского государства, осуществление требований автономии состоялось бы неизбежно труднее, чем, к примеру, у австрийских поляков»⁷. Несмотря на то, что, как отмечает чешский историк Вратислав Доубек, чешская позиция вообще характеризовалась «расколотостью» между западным влиянием и восточнославянской традицией⁸, находившаяся в немецкой орбите Богемия все отчетливее перенимала особенности германской традиции национализма. Это выражается даже в том, что чешский национализм в своем желании утвердить свою первичность все более демонстрировал свое происхождение от классических постулатов национализма немецкого, таких как единение на основе этничности, понятие «идеального оте-

---

⁵ Цит. по: Миллер А. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2000. С. 10-11.

⁶ Kann R. Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Graz-Wien, 1964. Vol. 1. P. 40-41.

⁷ Scharf Ch. Ausgleichspolitik und Pressekampf in der Ära Hohenwart: Die Fundamentalartikel von 1871 und der deutsch-tschechische Konflikt in Böhmen. München, 1996. P. 28.

⁸ Доубек В. Между Веной и Москвой: Славянская концепция и образ России в чешском обществе XIX в. // Родина. 2001. № 1. С. 105.

чества», в котором не место другим, якобы пришлым, народам. Импульс чешскому национализму, как в свое время и немецкому, придало и бурное экономическое развитие богемских земель в 1860-х гг. и возникновение собственной чешской буржуазии.

Наиболее показательным в отходе от «восточнославянской» традиции стал славянский съезд 1867 г. в России, одно из самых выдающихся событий в политической жизни чешского национального движения того времени. Съезд совпал с повторным выдвижением на передний план славянофилов – представителей одного из русских общественных движений, выступавшего, помимо прочего, за политическое и культурное единение славянских народов под эгидой России. Стоит заметить, что славянофильство было не просто общественным движением, а представляло собой настоящее религиозно-философское учение, причем в своих исторических воззрениях славянофилы романтически идеализировали общий дух славянства и времена старой, допетровской Руси. Тем не менее, представление славянофилов о самодержавном православном русском государстве плохо коррелировало с действительностью, хотя бы потому, что, во-первых, Россия всегда была многонациональной страной, во-вторых, ее политические элиты были европеизированы и поддерживали тесные связи с монархическими династиями и аристократическими родами Европы⁹, а, в-третьих, те позиции, которые славянофилы отводили крестьянству как ядру нации и самому национальному принципу государства, противоречили самодержавному характеру власти¹⁰. Мало того: вера в славянскую интеграцию и духовное единение не заняла умы большей части общества, оставшись прерогативой небольшого круга заинтересованных лиц, зато ее подхватила германская публицистика, подогревавшая опасения насчет территориальной экспансии России. В ней возникал образ славянофилов, «чья ложь почти полвека настраивала русскую общественность против Германии»¹¹, а следуя логике немецких публицистов, и против всей Европы.

Очевидная австрийская ориентация лидера чешского национального движения Франца Палацкого, который считал, что только Австрия способна обеспечить историко-политическую индивидуальность Богемии¹², и неудачный зондаж чехами официального Петербурга на предмет помощи в борьбе за национальное государство закончился тем, что русские духовно-нравственные устремления, которые в свое время уже были заклеены чехами как «схизматизация и московитизация»¹³, не нашли своего практического приложения в деятельности чехов. Желание добиться максимальной выгоды от сближения с дружественным контр-

⁹ Павленко О. «Славянский фактор» в отношениях России и Австрии в 40–60-ые годы XIX века // Славяно-германские исследования. М., 2000. Т. 1. С. 244.

¹⁰ Сергеев С. Пришествие нации? М., 2010. С. 192.

¹¹ Pohle R. Rußlands Ländergier // Die russische Gefahr: Beiträge und Urkunden. Stuttgart, 1916. Vol. 1. P. 21-22.

¹² Palacký F. Idea státu Rakouského. Praha, 1865. P. 47.

¹³ Oesterreich und die Völker Oesterreichs nach dem Kriege im Jahre 1866. Prag, 1866. P. 31.

агентом – Россией – граничило с фактическим, вопреки высказываниям, нежеланием покинуть конституционные рамки Габсбургской монархии, что приводило к бесперспективности данного сотрудничества. Русское правительство, которое, к слову, так же не разделяло славянофильской и панславистской патетики, не дало лидерам чешского движения никаких конкретных обещаний в виду их очевидно неустойчивой позиции. Таким образом, можно говорить, что уже в 1860-х гг. русское общество было больше склонно к империализму, нежели к панславизму и тем более национализму.

Нужно также отметить, что, поскольку национализм автоматически означал расширение политического участия нации в жизни общества и деятельности государства, он оказался несовместим с русским самодержавием. Более того, возникал и экзистенциальный вопрос о том, кого же следовало относить к русским? Как полагает российский историк Алексей Миллер, в России второй половины XIX века претендовали на главенствующую роль три идеологии: империализм, русский национализм и панславизм. В первом случае во главу угла ставилось политическое влияние и не всегда и не столько национализм, во втором – игнорирование требований (в частности, политических) этнически нерусских народов. В третьем же случае политическая доктрина строилась исходя из интересов всеславянской общности¹⁴. Другими словами, четкой установки, кто именно считался русским, не было. Именно это отсутствие национальной детерминации в политическом смысле и имперскость впоследствии позволили Германии эксплуатировать в пропаганде мысль о России как деспотичной «тюрьме народов»¹⁵.

Украинская идея и европейские исторические императивы

Говоря об отношении населения русских и украинских земель к одной этнической общности, следует помнить несколько принципиальных моментов. Идея единства русских и украинцев, озвученная выдающимся русским историком Н.М. Карамзиным, имела гораздо более глубокие корни и вела свое происхождение от *Киевского Синописа* – появившегося в Киеве в 1674 г. исторического сочинения, указывавшего на неразрывное единство Великой и Малой Руси, объединявшего тем самым династическую и религиозную традицию киевских и московских князей. Впоследствии этот тезис был развит другим русским историком XIX века, одним из авторов парадигмы «православие-самодержавие-народность», – Н.Г. Устряловым, считавшим, что Россия существовала уже в XII веке, и русская нация оказалась раздроблена после вхождения Украины и Белоруссии в состав Польши.

¹⁴ Миллер. Украинский вопрос ... С. 35.

¹⁵ Koenen G. Der Rußland-Komplex: die Deutschen und der Osten, 1900-1945. München, 2005. P. 53.

Тем не менее, в социально-политическом отношении все было гораздо сложнее. Сословный фактор как довлеющий признак средневековья обусловил в украинских землях (в отличие от русских княжеств) резкое, до поляризации, социальное расслоение. На Украине крупные феодалы (магнаты) и знать рангом помельче (шляхта) являлись этническими поляками, тогда как крестьянская масса была русской (в то время еще не существовало понятие «украинец»). По мнению британских экспертов начала XX века, украинцы впервые ощутили себя нацией именно в годы восстания Богдана Хмельницкого (1648–1649), до этого же их связывала общая история с русскими (великороссами) и белорусами. Гетманат как форма политической организации, таким образом, стал выражением чаяний населения Украины об избавлении от польского доминирования¹⁶. Несомненно, к Переяславской раде 1654 г. население Украины подошло с гораздо более выраженным, в силу экономической и религиозной дискриминации со стороны поляков, национальным сознанием, нежели таковое было у населения Московского государства.

Московское государство, в это время как раз переживавшее расцвет сословно-представительной монархии и не испытывавшее подобного Украине гнета, резонно рассматривало население украинских земель Речи Посполитой как единоплеменников и братьев по вере без какой-либо этнической коннотации. Этим объясняется двойственность договора о объединении, который, с одной стороны, сохранял привилегии края, а с другой – стал как бы монаршей милостью русского государя¹⁷. Переговоры, которые, по мнению «отца украинской историографии» М.С. Грушевского, «велись на скорую руку»¹⁸, в целом, привели к благоприятному результату. Единственным острым углом осталась внешнеполитическая свобода, ограниченная московскими властями, что обусловило последовавшие позже попытки гетманов, остававшихся, как считают современные украинские исследователи, «номинальными вассалами» Москвы¹⁹, найти себе других покровителей – от Турции до Пруссии²⁰. Вместе с тем, после ликвидации зависимости от Польши, ведущую политическую роль в украинских землях стремилась взять на себя казачья старшина. Простое же население, по достаточно тенденциозному мнению Грушевского, выступавшее «и против Москвы, и против старшины»²¹, действительно оказалось в некоем политическом вакууме, в котором и находилось длительное время, сосредоточившись больше на социально-экономических аспектах своего бытия.

---

¹⁶ The Ukraine: Handbook Prepared under the Direction of the Historical Section of the Foreign Office. L., 1920. P. 53.

¹⁷ Михутина И. Украинский вопрос в России (конец XIX–начало XX века). М., 2003. С. 8-9.

¹⁸ Грушевский М. Украинский вопрос. СПб., 1907. С. 6.

¹⁹ Флоря Б. Переяславская рада 1654 г. и ее место в истории Украины // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник. М., 2005. С. 25, 32.

²⁰ Грушевский. Украинский вопрос. С. 9.

²¹ Там же. С. 8.

Нынешняя территория Восточной Украины была окончательно закреплена за Россией только после Вечного мира 1686 г. с Речью Посполитой, а Правобережье еще более века оставалось в составе Польши, пока к концу XVIII века Украина окончательно не была разделена между Австрией и Россией. Вместе с раздробленностью, по мнению европейских аналитиков, сошла на нет и сама украинская идея, и если раньше ей могла помочь «реальная поддержка со стороны казачества», то со временем оно либо исчезло (после ликвидации остатков гетманской автономии на Украине в виду унификации государственного управления), либо «растворилось в верных престолу донских и кубанских казаках»²². Кроме того – и это представляется в данном контексте очень важным – в результате присоединения Правобережной Украины в состав России влился значительный массив сильно полонизированной шляхты, которая, по мнению российского историка Ирины Михутиной, спустя короткое время и спровоцировала политическую активность украинского населения²³.

Вместе с тем, если положение украинского населения областей, вошедших в состав России, улучшилось хотя бы в национальном и религиозном плане, то положение жителей западных областей осталось неизменным: и в составе Австрии они продолжали испытывать этническую и религиозную дискриминацию со стороны поляков. В ходе начавшегося национального подъема украинцев в 1840–1850-х гг. – как в русских Слобожанщине и Надднепрянщине, так и в австрийской Галиции, – обе неравные части будущей Украины первоначально выдвигали требования культурно-языкового характера. При этом, что важно, говоры русской части Украины существенно отличались от того языка, на котором говорили в Галиции, основанном больше на церковнославянском. Однако очень скоро эти требования, которые из-за сословного размежевания долго не принимали политическую окраску²⁴, перешли к политическим категориям, что было обусловлено несколькими факторами.

Во-первых – и это стало одним из главных следствий революции 1848 г. – молодые народы Европы (в первую очередь, славянские) попали под общий этнообразующий тренд европейского Модерна и пошли по пути конструирования собственного прошлого с сопутствующей его романтизацией. Но если чехи могли опираться и опирались как на свой опыт средневековой государственности²⁵, так и на общеавстрийский опыт «весны народов», то нарождавшаяся украинская интеллигенция (широкие народные массы еще долгое время оставались индифферентны к национальным опытам) в условиях структурного характера чужого доминирования могла обратиться только к Киевской Руси или, в меньшей степени, Галицко-Волынскому княжеству. При этом, если чехи порой шли на откровенный исторический подлог (создание историком Вацлавом Ганкой Краледворской и Зе-

---

²² The Ukraine. P. 54.

²³ Михутина. Украинский вопрос в России ... С. 14.

²⁴ Там же. С. 43-44.

²⁵ Rieger F.L. *Čechy, země i národ*. Praha, 1863. P. 286.

леногорской рукописей, посвященных ранним событиям чешской истории, а также распространение мифов о разгроме татаро-монгольских войск чешскими отрядами под Легницей и Оломоуцем), приверженцы украинской идеи, в отличие от своих особо рьяных последователей, понимали несоответствие молодой украинской культуры и украинского языка средневековым событиям и со временем стали просто отождествлять реалии украинского этноса с историческими реалиями общерусского Средневековья. Киевские князья, таким образом, стали украинцами, а «Слово о полку Игореве» – памятником средневековой украинской литературы²⁶. Тезис выдающегося представителя национального движения – Михаила Драгоманова – о всеславянской значимости русской литературы отвергался²⁷. Уже в 1940-е гг. украинские националисты станут называть Тмутараканское княжество «форпостом украинцев на Черном море»²⁸, а самих украинцев относить к скифам и подчеркивать, что название «Украина» было принято, чтобы отличаться от «москалей» с их Русью, и что влияние украинских князей Владимира и Ярослава было столь велико, что «при литовском и румынском дворах звучал украинский язык и законы тех народов были писаны по-украински»²⁹.

Интерес к собственному прошлому выливался, помимо прочего, и в поисках основы для исторического нарратива в народном творчестве и народной традиции. Это обращение к народным истокам, которое поляки в насмешку называли «хлопоманией»³⁰ (от польского «хлоп» – «крестьянин»), внесло определенный вклад в формирование образа «идеального отечества», экстраполируя романтические представления на запорожское казачество и времена гетманата. Свою роль здесь сыграло и влияние польской интеллигенции, продолжавшей рассматривать украинские земли как часть Речи Посполитой и стремившейся ментально противопоставить их России³¹.

Во-вторых, стоит отметить, что у национального движения – или зарождающегося, или уже оформившегося – существовали мощные катализаторы, в числе которых, как указывал исследователь феномена национализма Мирослав Хрох, могли быть кризис старого порядка, характеризующийся новыми политическими горизонтами или конфликтами, возникновение разногласий между различными группами населения, падение традиционных нравственных устоев³². Складывающаяся нация нуждалась, кроме прочего, в отдельном пространстве, причем требование этого пространства основывалось на обращении к противоположным по

²⁶ Cehelskyj L. Der Krieg, die Ukraine und die Balkanstaaten: Nicht ein Befreier, sondern ein Unterdrücker der Völker. Wien, 1915. P. 7.

²⁷ Павлик М. Драгоманов як політик. Львів, 1911. P. 22-23.

²⁸ Антонович М. Історія України. Прага, 1941. Vol. 1. P. 36.

²⁹ Божик П. Коротка історія України. Йорктон, 1945. P. 7, 16-17. Это утверждение на самом деле появилось еще в годы Первой мировой войны, ср.: Der Weltkrieg und das ukrainische Problem: ein Beitrag zur Aufklärung der gegenwärtigen politischen Lage. Berlin, 1915. P. 9.

³⁰ Михутина. Украинский вопрос в России ... . С. 23.

³¹ Миллер. Украинский вопрос ... . С. 54.

³² Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 129.

содержанию реалиям: с одной стороны, к принципу территории, характеризующейся этнической однородностью своего населения как сообщества с одним языком и культурой, с другой стороны, к понятию исторической области с ее традиционными границами, в которых часто заключены и другие этнические группы в статусе меньшинства. В XIX веке вторая реалья приобрела особую важность для так называемых «исторических наций». Представители чешского движения неоднократно поднимали вопрос о том, что чешские земли никаким образом не относятся к германскому ядру, так как, как уже было сказано выше, имели опыт государственной и политической организации.

Сторонники украинской идеи пользовались в своей риторике схожим тезисом, только по отношению к русским и полякам, представляя украинцев самостоятельной и самодостаточной нацией, лишенной государственности и злонамеренно разделенной на части. Что любопытно, эта теория появилась в австрийской Галиции, русинское население которой наиболее тесно контактировало с польским и, с одной стороны, находилась под постоянным административно-культурным прессингом, а с другой, живо впитывала идеи польской интеллигенции, так как Польша сама была разделена на неравные части между Пруссией, Австрией и Россией. По словам русского исследователя украинского сепаратизма С.Н. Щёголева, «доктрина об изолированности малороссийских культурно-политических интересов» окончательно оформилась во Львове к концу 1880-х гг.³³

В-третьих, нельзя забывать и о происхождении тех националистических тенденций, которые в указанное время предопределили весь внешнеполитический курс украинского движения на ближайшие семь десятилетий. Как считает американско-украинский историк Пол Магочи, существует два вида национализма: вдохновленный интеллигенцией и декларированный государством. Украинцы были народом без государства, поэтому у них возобладал первый вид. По мнению историка, развитие националистической доктрины происходило в три этапа: 1780–1840 гг. – собственно конструирование прошлого; 1840–1900 – организационная часть; 1900–1917 – построение политического дискурса³⁴. Именно во время второго этапа, о котором идет речь в данной статье, Австрия попыталась привить украинскому движению и государственный национализм. Для этих целей филологом Евгеном Желеховским в 1880-е гг. была разработана система украинского правописания – «желеховка», в 1893 г. принятая в Австро-Венгрии на официальном уровне и вытеснившая «кулишовку» (систему правописания, предложенную фольклористом и этнографом Пантелеймоном Кулишом), украинское движение получало поддержку на государственном уровне. Со временем риторика украинцев (в данном случае речь идет не об этнической принадлежности, а о политической ориентации) стала напоминать риторику чешских либералов, подчеркивав-

³³ Щёголев С. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912. С. V.

³⁴ Magocsi P.R. The Roots of Ukrainian Nationalism: Galicia as Ukraine's Piedmont. Toronto, 2002. P. 56.

ших, что «Богемия с пиететом придерживается австрийской государственной идеи»³⁵. Однако, если, по словам Доубека, «еще в начале XX века для многих европейцев чехи оставались австрийцами, временами позволяющими себе поупрямиться»³⁶, то украинцев никто к австрийцам не относил. Если отличительной чертой лидеров чешского движения было политическое маневрирование и использование межгосударственных противоречий для утверждения своих требований, то украинцы в большинстве случаев действовали напрямую и были вынуждены формировать собственный политический дискурс, зависимый от ряда внутренних и внешних обстоятельств, методом проб и ошибок, узнавая, «какие уступки можно сделать общественной системе, или в отдельных случаях политическим структурам»³⁷. Со временем галичане были вынуждены смириться с австро-польской системой и стали ориентироваться проправительственно³⁸.

Украинцы между Романовыми и Габсбургами

В литературе многократно описаны причины проукраинской политики австрийских властей: с одной стороны, желание создать противовес полякам и ослабить их позиции, с другой – создать противовес России ввиду будоражившей умы венских политиков угрозы русской экспансии в Европе, в особенности в отношении земель, населенных славянами. Определенную роль в формировании данных опасений сыграл и интерес в натянутости русско-австрийских отношений у Германии, недавно объединившейся под эгидой Пруссии. Как считал Бисмарк, фактический правитель Германии того времени, напряженность между Австро-Венгрией и Россией была необходима Германии, чтобы использовать кого-нибудь на своей стороне³⁹. Вектор Берлина на ослабление русских позиций усилила, по мнению ведущего консервативного публициста того времени Пауля Рорбаха, опасность зависимости от России ввиду жажды реванша со стороны Австрии и Франции за поражения соответственно 1866 и 1871 годов⁴⁰. Недаром в 1880-е гг. в Германии озвучивалась идея создания Киевского королевства.

Столь же многократно поднимались в историографии и вопросы о с определенного момента антиукраинской политике русских властей. Украинские исследователи со времен Грушевского придают этой политике строго репрессивные черты, описывая деятельность русских бюрократических структур как инструментов ассимиляции украинской нации и растворения ее в едином имперском организме. Однако истина здесь кроется в другом.

³⁵ Österreich und die Völker Österreichs nach dem Kriege im Jahre 1866. P. 20.

³⁶ Доубек. Между Венной и Москвой ... С. 107.

³⁷ Хобсбаум. Век капитала 1848-1875. С. 102.

³⁸ Михутина. Украинский вопрос в России ... С. 37.

³⁹ Kjellén R. Dreibund und Dreiverband. München, 1921.

⁴⁰ Rohrbach P. Weltpolitisches Wanderbuch 1897-1915. Leipzig, 1917. P. 9.

Не отрицая имперский характер политической власти в России, здесь можно говорить не о насильственной ассимиляции, а о попытке государственной унификации, казалось бы, родственного славянского народа при помощи совершенно не соответствующей его политической традиции, да к тому же устаревшей и неадекватной наступившей эпохе парадигме. Подобная деятельность русских властей была бесплодной, поскольку корень проблемы, как, кстати, справедливо полагали правительственные эксперты в Петербурге, находился в польском влиянии на Украине. В этой связи можно озвучить два вероятных вектора решения данной проблемы, не несущих слома существовавшей системы: или постепенно и разумно русифицировать интеллектуальную сферу в украинских губерниях (в том числе, с помощью введения начального образования на русском), или же поступить более радикально, переселив польских помещиков в Центральную Россию, где бы они ассимилировались, а русских помещиков – на Правобережную Украину. Однако русское правительство не пошло ни тем, ни другим путем, предпочтя двум вышеуказанным методам меры запретительного характера по отношению к украинскому языку и политическим организациям. Стоит заметить, что одинаково враждебно воспринимались как националисты – сторонники отделения Украины от России, так и украинские социал-демократы, хотя и выступавшие за автономию, но не рассматривавшие украинские земли в отрыве от общего государственного организма.

Тем не менее, социал-демократы порой в корне неверно оценивали ситуацию. Так, Микола Порш, один из лидеров Революционной украинской партии, а затем и Украинской социал-демократической партии, подчеркивал, что со времен Переяславской рады происходила сознательная русификация украинской жизни⁴¹, тогда как самодержавие наоборот отрицало этнический элемент власти. Порш называл Украиной то пространство, где «украинский народ превосходит все остальные»⁴², а также сравнивал аграрные украинские реалии с индустриальным развитием Великобритании⁴³. Гораздо оригинальнее и реалистичнее на этом фоне выглядела концепция украинских радикалов: с их стороны звучали призывы установить «всенародную украинскую республику», которую они называли «политическим идеалом»⁴⁴, фактически предлагая принципиально иной подход к пониманию «украинства» как основы политической нации, тот, который в наше время пытаются придать обозначению «россиянин». Похожая позиция присутствовала и у либералов. Так, востоковед и общественный деятель Агафангел Крымский считал, что «традиции прошлого не могут служить единственной основой для

---

⁴¹ Порш М. Про автономію України. Київ, 1909. Р. 5.

⁴² Ibid. Р. 26.

⁴³ Ibid. Р. 36.

⁴⁴ Павлик М. Письмо українських селян-радикалів із Галичини та Буковини до селян-послів Російської державної думи в Петербурзі. Львів, 1906. Р. 10.

создания современной нации» и должны соотноситься с социально-политическими реалиями времени, а главной целью национализма является сама Украина⁴⁵.

Вместе с тем, Российская империя, являясь субъектом международного права, продолжала оставаться в рамках безнадежно устаревших, феодально-династических представлений о государственном строительстве, в то время, когда уже начали формироваться предпосылки, обусловившие, по выражению Эрика Хобсбаума, разрушение старых моделей социальных взаимоотношений и крушение традиционных обществ⁴⁶. Интеллектуальное и общественное развитие, подъем национальных движений лишали субстанциональной основы средневековый тезис о «власти от Бога»; с другой стороны происходил структурный кризис старого порядка, основанного на средневековом сословном разделении, а также на сублимирующей роли религии и династической лояльности.

Центральной власти по сути нечего было противопоставить местному украинскому национализму (равно как и польскому, финскому или еврейскому), кроме репрессивных законодательных актов, таких как Эмский указ 1876 г. об ограничении «малорусского наречия», поскольку, как уже говорилось выше, этноним «русский» не имел однозначной привязки, а «идейно-методологический инструментариум классического русского консерватизма был приспособлен к аграрному патриархальному обществу»⁴⁷ и не подходил к бурно развивающемуся буржуазному обществу последней четверти XIX – начала XX вв. Когда же в России назрела пора национализации власти, Николай II, как отмечает Миллер, вместо конструктивного диалога стал ориентироваться на правых экстремистов⁴⁸.

Кроме того, сказывался и глубочайший раскол между «высокой» культурой и укладом, «разрыв между императивами развития современной цивилизации и традиционалистической ментальностью людей»⁴⁹. В силу складывавшегося веками миропорядка как для русских, так и для украинских народных масс несравнимо ближе были социально-экономические реалии, нежели хитрости национального строительства. Если чешские либералы и радикалы еще могли поспорить между собой, кого рассматривать в качестве опоры национального движения – крупный капитал или средний класс⁵⁰, то в это же время большая часть населения будущей Украины была занята крестьянским трудом, а национальная буржуазия отсутствовала⁵¹. Наиболее насущным вопросом для крестьянства России вплоть до октябрьских событий 1917 г. был и оставался земельный вопрос, а то, что большинство украинцев клонилось к социализму, а не к национализму, при-

---

⁴⁵ Шеремета Ю. Агатангел Кримський та ідея України: реконструкція національно і політичного самоусвідомлення // Проблеми історії України XIX–початку XX ст. Вип. XIV. 2007. Р. 191.

⁴⁶ Хобсбаум Э. Короткий двадцатый век, 1914-1991. М., 2004. С. 25.

⁴⁷ Сергеев. Пришествие нации? С. 49.

⁴⁸ Миллер. Украинский вопрос ... С. 11.

⁴⁹ Пантин И. Россия и мир: историческое самоузнавание. М., 2001. С. 6.

⁵⁰ Červinka F. Český nacionalismus v XIX. století. Praha, 1965. P. 112.

⁵¹ Magocsi. The Roots of Ukrainian Nationalism ... P. 47.

знавала и немецкая консервативная публицистика⁵², и австрийская контрразведка⁵³. Социалистическим партиями даже пришлось отказаться от лозунга «самостийной Украины» из-за того, что он не нашел отклика у масс и вызвал беспокойство, не затруднит ли потенциальная национально-территориальная автономия Украины переезд на новые земли в Сибири и на Дальнем Востоке⁵⁴, хотя впоследствии видный представитель национального движения Микола Зализняк и доказывал, что отделение Украины от России нанесет удар по русскому империализму и пойдет на благо всем социалистам⁵⁵.

В этой связи у интеллигенции, которую известный теоретик этничности Этони Смит определял как главную несущую силу национальных движений, появлялась уникальная возможность формировать историко-психологический нарратив. Что любопытно, в этой связи вновь проявилось наследие Речи Посполитой: так, если, по выражению американского историка Тимоти Снайдера, шляхтич мог быть этническим литовцем и одновременно действовать в политике как поляк⁵⁶, перед Первой мировой войной впервые выдвинулся будущий идеолог интегрального украинского национализма – Дмитрий Донцов, этнический русский.

Непреклонная позиция русских властей во многом облегчала задачу австрийскому правительству, которому оставалось только поддерживать национально-политические украинские стремления. Сторонники украинской идеи в Австрии и не заметили, как полностью перешли в германский дискурс об этнической основе нации. Впоследствии галицийскими украинофилами начнет распространяться тезис о том, что «русская армия, русская школа, русские власти подогревают национальные чувства украинцев» и что «украинское движение сугубо демократическое», поэтому «его невозможно подавить»⁵⁷, а украинские социал-демократы, в зависимости от ситуации, станут оценивать культурное развитие украинских губерний по меньшему количеству неграмотных, нежели в великорусских областях⁵⁸.

Таким образом, со временем разнообразные идеи и мнения представителей украинского движения как в украинских губерниях России, так и в австрийских провинциях, населенных русинами, прежде всего, в Галиции, выкристаллизовались в концепцию, определявшую сущностные черты украинской нации и ее роли в истории. По мнению Алексея Миллера и его киевского коллеги, историка Георгия Касьянова, это был первый шаг на пути «национализации» украинцами своего прошлого. Так, украинская национальная доктрина подчеркивала, во-первых, уникальность украинской нации и государства и их естественность, во-вто-

⁵² Rohrbach. *Weltpolitisches Wanderbuch 1897-1915*. P. 50.

⁵³ Ронге М. *Разведка и контрразведка*. М., 2004. С. 126-127.

⁵⁴ Михутина. *Украинский вопрос в России ...*. С. 57, 67.

⁵⁵ Зализняк М. *Самостійна Україна – несоціалістичне гасло?* Відень, 1915. С. 2, 12.

⁵⁶ Snyder T.D. *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569-1999*. New Haven/L., 2003. P. 24.

⁵⁷ Cehelskyj L. *Ukraina sveriges beriglömbda bundsförvani*. Stockholm, 1915. P. 10.

⁵⁸ Грушевский. *Украинский вопрос*. С. 27.

рых, этноцентричность (отождествление украинцев конца XIX – начала XX вв. с родственными им народами в более ранние времена). Наконец, устанавливался головной постулат об Украине как «цивилизационном пограничье»⁵⁹. Разрывы национальной истории компенсировались неразрывностью этнокультурной индивидуальности⁶⁰, что также являлось заимствованным из германской политической культуры сюжетом, который националистически ориентированный германский политик Макс Бём именовал «трансцендентальной сущностью» немцев⁶¹. В данном конструировании национальной идентичности не обходилось и без передегивания исторических и политических фактов. Ярким примером подобных подтасовок может служить доклад украинского депутата австрийского рейхсрата, в прошлом радикала, занявшего националистические позиции, – Евгена Левицкого. Выступая в мае 1915 г. в Мюнхене, он указывал, что украинцы уже в V веке нашей эры жили на той территории, которую занимают и ныне, а в IX–XIV вв. Украина была «самым могущественным государством на востоке Европы»⁶². Киевское княжество времен князя Олега Левицкий называл «украинской империей»⁶³ и особо подчеркивал, что украинцы, в отличие от русских, сохранили исконно древнеславянский типаж⁶⁴.

Кроме того, помимо само собой разумеющихся культурных и политических, в силу веяний тогдашней романтической традиции, отдельно стали артикулироваться антропологические различия между украинцами, русскими и белорусами. Тем самым активисты украинского национального движения, подобно своим чешским коллегам, стремились доказать собственное право на государственное строительство и становление в качестве субъекта, а не объекта национальной политики. Имели место и факторы негативного конструирования собственной идентичности: так, согласно одной из них, Россия, население которой всегда завидовало «более удачливым» украинцам, получила статус великой державы «только после присоединения Украины»⁶⁵.

К началу Первой мировой войны украинское национальное движение подошло уже с оформившимися концепциями политической нации и осознанием собственного культурного пространства. Если контролируемый австрийцами и немцами в годы войны националистический Союз Освобождения Украины и критиковался социалистами, как сказали бы в советское время, «за буржуазное соглашательство», то недолгое правление на Украине Центральной Рады в 1917–1918 гг. дискредитировало идеи социал-демократов, переоценивших созидательные

⁵⁹ Касьянов Г., Миллер А. Россия-Украина: как пишется история. Диалоги – лекции – статьи. М., 2011. С. 47, 49, 53.

⁶⁰ Kuziela Z. Das ukrainische Volk // Handbuch der Ukraine. Berlin, 1941. P. 31.

⁶¹ Boehm M.H. Das eigenständige Volk in der Krise der Gegenwart. Wien, 1971. P. 1.

⁶² Lewicky E. Ukraine, Ukrainer und die Interessen Deutschlands: Rede gehalten am 7. Mai 1915 im großen Wagner-Saale zu München. Berlin, 1915. P. 17-18.

⁶³ Ibid. P. 18.

⁶⁴ Ibid. P. 16.

⁶⁵ Meyer-Heydenhagen M.W. Land und Leute // Ukraine / Ed. Heinrich Lanz. Berlin, 1918. P. 23, 38.

возможности крестьянства. Неспособность добиться активной поддержки за рубежом и опыт соседней Польши, в которой идея национального государства пересилила социализм, окончательно склонил чашу украинских весов в пользу национализма. Не менее важным в этом контексте представляется и то, что историческое наследие формирования украинцев как политической нации до сих пор затрудняет русско-украинский диалог в области межнациональных отношений.